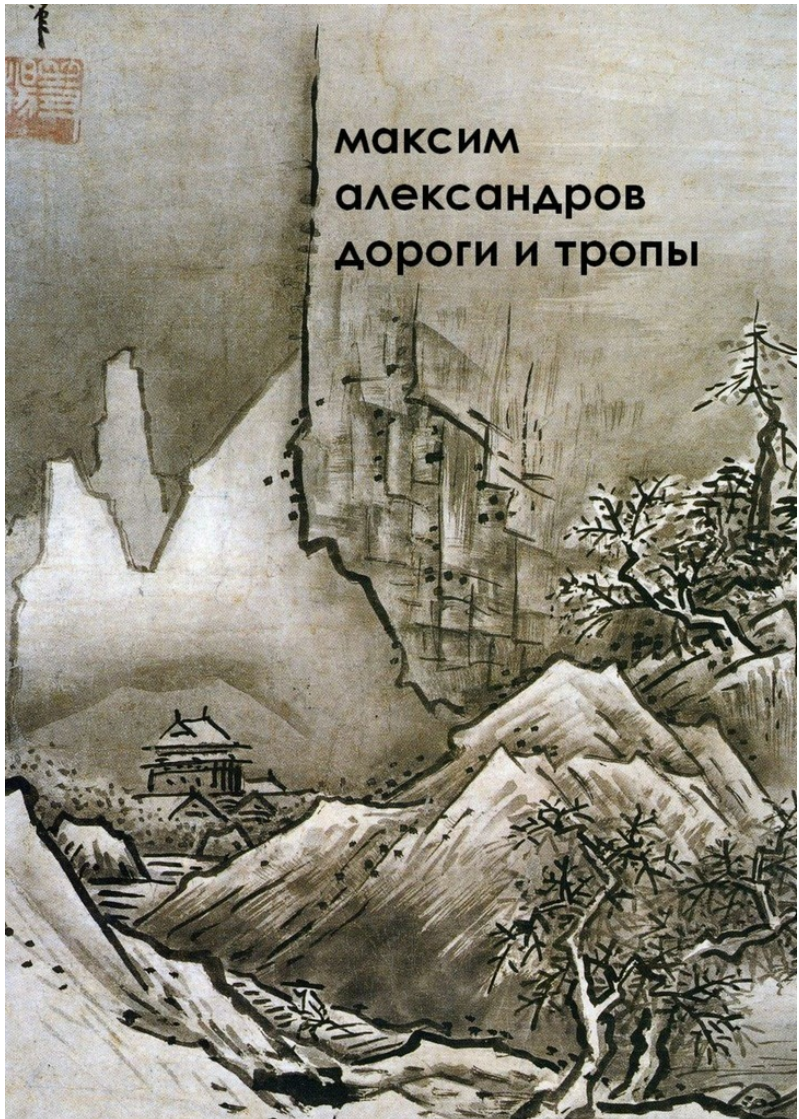

максим
александров
дороги и тропы

М. М. Александров
Дороги и тропы.
Мифическая космография

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22036574

ISBN 9785448336539

Аннотация

Дорога – один из самых универсальных архетипов человеческой культуры. Все мы в пути: люди, предки, светила, время... Самые архаичные мифы австралийских аборигенов – это рассказ о путешествии предков-тотемов, самые утончённые мистические системы – это рассказ о Пути. А поскольку путешествие «на край света» оказывается и путешествием «вглубь души», прочерченные некогда маршруты не теряются безвозвратно. Эта книга входит в серию о мифической космографии. Она посвящена мистическим традициям.

Содержание

Необходимое предисловие	5
Картинки с быком	7
Перекрёстки	8
Природный человек	8
Аборигены	10
Поворот свастики	11
Поиск следов	13
о мотивации	13
Об образе жизни	15
Об этосах	17
Укрощение чёрного быка	20
Тело	20
Эмоции	21
Ум	23
Возвращение верхом на быке	26
Цветы вдоль дороги	26
Поток	28
О действии	31
Исчезновение быка	34
Обретение или утрата?	34
Бог и пустота	36
Страна чудес	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дороги и тропы
Мифическая космография
М. М. Александров

© М. М. Александров, 2016

Корректор Владимир Камский

ISBN 978-5-4483-3653-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Необходимое предисловие

Располагая досугом и достаточным запасом эксцентричности, несколько лет своей жизни я посвятил в высшей степени бесполезному занятию – картографированию невидимой страны, которую я предпочитаю называть «архетипическая реальность». Несмотря на вопиющее отсутствие на физических картах, страна эта исчерчена множеством маршрутов. Существует невероятное количество путевых заметок, нарисованных от руки планов и схем и даже географических учебников (весьма противоречивых). Помимо того существует масса литературных и художественных произведений, действие в которых происходит именно там (или, по крайней мере, по законам этой страны). Трудность заключается в том, что чем непосредственнее восприятие путешественника, тем выше оказывается его субъективность – природа этой страны обладает невероятной способностью с лёгкостью приспосабливаться к культурному багажу наблюдателя. В этом мне не раз пришлось убедиться на собственном опыте.

В результате моих усилий на свет появилось несколько текстов.

В первом из них, под названием «Введение в мифическую космографию», я дал свод мифолого-географических сведений об архетипической реальности на основании сообщений

источников с древнейших времён до XV века н. э. и попытался свести их в единое целое.

Во втором, озаглавленном «Восхождение в сферу разума» я дал аналитическое обобщённое описание этой географии с учётом сообщений «путешественников» и «географических справочников» XVI – XX веков.

Текст, который вы сейчас читаете, посвящён мистическим традициям, т. е. не столько описанию географии (мифологии), сколько тому, как именно проходят ту или иную дорогу и где находятся важные перекрёстки.

Картинки с быком

Перекрёстки

Природный человек

Природный человек – первый, кто встретится нам на пути в архетипическую реальность. Собственно, для многих на этом путь и закончится.

Но сначала обозначим исходный пункт. Исходный пункт: человек социальный. Это и есть мы. У человека социального свой путь эволюции – социализация личности, совершенствование социума. Его описали создатели спиральной динамики (к которым и отсылаю) и многие другие. Выражаясь по-кастанедовски, это и есть *тональ*. У представителей более «высоких» ц-мемов (уровней развития) есть привычка рассматривать носителей «нижележащих» как дикарей (или варваров) и отождествлять их с природным человеком. Это ошибка. Дикарь – тоже социальный человек, просто параметры его социальности отличаются от наших. Социальность каждого уровня, конечно, коррелирует с определёнными архетипическими реальностями («мирами»), но не тождественна им. Каждый новый уровень, достигнутый социальностью, усложняет тональ – описание мира, правила игры, правила поведения, поглощая всё больше свободной энергии.

Всевозможные «невроты — комплексы — вытеснения» — побочный эффект этого процесса. У природного человека их нет вообще. Природный человек свободен от социальности и купается в океане энергии. Как сумасшедший, которого не могут скрутить трое здоровяков. Это, собственно, первый подарок *нагуаля*. У природного человека нет никаких ограничителей-табу и картин мира, он просто живёт — инстинктами, импульсами, телом. Чем «ниже» мем, тем, конечно, проще прорваться к природному человеку, но чем «выше», тем сильнее скрытая потребность в нём. Пациент психоаналитика, выковыривающий на свет божий «подавленные инстинкты», или солдат-наёмник, кайфующий от пробежки по горам с автоматом и полным комплектом, занимаются тем же — ищут встречи с природным человеком.

Все архаические техники экстаза и «непристойные культы» высвобождают его, возвращая адепта в изначальный нерасчленённый мир предков, человеко-бого-зверей, наполненный энергией хаос — мир без табу, восстанавливая тем самым единство и полноту мироздания, позволяя самому космосу космизироваться дальше, не погибая от энергетического истощения. Но чем сложнее и продвинутое социальность, тем неприемлемее становится этот путь.

На известных буддийских и даосских картинках с быком бык обычно и символизирует природного человека. Т. е. путь мистика заключается не в том, чтобы загнать это дикое животное в хлев, запереть и надстраивать домик социально-

сти, а в том, чтобы встретится с ним лицом к лицу и укротить, используя в дальнейшем его энергию как средство передвижения/продвижения.

Аборигены

Слегка освоившись, мы обнаружим, что страна, в которую мы попали, густо населена. Встреча с «аборигенами» в этом путешествии практически неизбежна. Это те самые «неорганические существа», они же «существа антарикши», стихийные духи, джинны и т. д. и т. п. Они охотно идут на контакт, и сами чаще всего являются его инициаторами. Если человек после этого не сходит с ума (а именно это обычно и происходит со случайными посетителями), то оказывается на первом перекрёстке. Именно здесь проходит грань между (условно говоря) «мистикой» и «окультизмом».

Для «окультиста» отношения с аборигенами имеют принципиальное значение. Аборигены могут предложить именно то, что он ищет, – оккультное знание (знание магических техник), путешествие в «иные миры» и «чудеса». Собственно, это самый короткий путь к паранормальному – требуемые кудеснику чудеса будут совершать сами аборигены. Относительно «платы» существуют разночтения, но, несомненно, «залипание» в этих мирах становится почти неизбежным.

«Мистик» обычно придерживается нейтралитета –

не ищет, но и не избегает. Посещение этих миров практически неизбежно, но контакты с аборигенами сами по себе ему не интересны. Хотя соблазн, конечно, велик.

Исключение составляет христианство, которое с самого начала категорически отвергает любое предложение контакта, однозначно расценивая его как бесовский соблазн. Но контакты, естественно, всё равно происходят, только носят весьма агрессивный с обеих сторон характер. Иногда как приемлемый рассматривается контакт с «эмиссаром», но не из этого – «стихийного», – а из более «высоких» миров. Так появляются «друзья сердца», «духи пророческие» и т. д.

Поворот свастики

Два ближайших к нам «мира» во «Введении...» были обозначены мной обозначены как нижний и океанский, в «Восхождении» – как сферы огня и воды. Любой путь проходит через оба «мира», выбор – в последовательности. Два варианта пути: «посолонь» и «против солонь», «праворучный» и «леворучный», символизируются двумя вариантами начертания свастики.

«Водный мир» даёт сравнительно легко доступный «мистический» опыт, который однако не приводит к трансформации личности (хотя может создать иллюзию). «Нижний», напротив, обладает немалым трансформирующим потенциалом, вот только с весьма неоднозначным вектором.

Выбор «нижнего мира» на перекрёстке означает выбор тотального «нет», бунт против мироздания и «человечности». Это нисхождение в ад. Но наш мир в этом случае обычно и так представляется адом. Цель этого нисхождения – «расчеловечевание», разрушение всех социальных стереотипов и интеграция с природным человеком. Путь сюда был проторен в первую очередь «оккультистами» – «чёрными магами». Для «мистика» ошибка чревата срывом именно в этом направлении. В результате он не выходит из «нигредо» к «альбедо», а остаётся узником «чёрного мира», возможно, считая себя его повелителем. Путь мистика здесь ведёт от «нет» к принятию мира во всём его многообразии. Символика этого пути весьма характерна (и чаще всего связана со всякого рода мертвечиной).

Выбор «водного мира» означает «да» мирозданию. Это «поиск Бога в мире» – в красоте или в традиции, в любви или знании, иногда в самоотречении и повиновении, молитве. Он дарует то, что называют «духовными наслаждениями», заполняющими пустоту, образовавшуюся в результате «сжатия» эго, опыта «не-я». Но вслед за этим происходит спуск в «тёмную ночь души». Это путь от «да» к «нет», исходу из мира в пустыню, отрицанию мира, потому что он не Бог.

Поиск следов

О МОТИВАЦИИ

Мотивация «окультиста» понятна, его цели обычно «социальны» (или, бывает, «антисоциальны»). Но вместо того, чтобы реализовать их «социальным» же путём, он решает спрямить путь, проложив его через целину. Путь «мистика» странен, он пускается в него без всякой видимой пользы для себя и окружающих. И для того чтобы подвигнуть его на это, нужна очень сильная и столь же «странная» мотивация. Например, в учении тольтеков (в изложении Кастанеды) мотиватором служит смерть, отсюда его коренное отличие от всех прочих мистических учений – категорическое отрицание посмертного бытия.

В теистических учениях (христианство, ислам, индуизм) мотивацией служит стремление к Богу, преданность Богу, любовь к Богу – источнику бытия, источнику, на который с продвижением по Пути, всё более чётко указывает их внутренний компас. Бог есть источник Любви (нередко персонифицируемый в Божественной Личности). И это любовь разлучает преданного со всем миром, потому что ничто в мире не может дать ему удовлетворения и утолить жажду. Один только Бог.

В «атеистических» учениях – буддизм, джайнизм, санхья – присутствует не менее сильная мотивация – стремление к свободе, освобождению. Смысл свободы – не отрицание («свобода от»). Путь к свободе – это именно «путь к» и «вкус освобождения», по словам Будды, единственный вкус буддийского учения. Но есть здесь и ещё одна мотивация (особенно явственная в махаяне) – сострадание ко всем живым существам. И нет Всеблагого Творца, на которого можно переложить ответственность и обратиться с упованием. И ещё один важный нюанс. Для теиста Путь – полный отказ от собственной воли, которая заменяется Волей Господней, для буддиста или даоса – проявление собственной изначальной природы.

Важным мотиватором во всех случаях является также вера – уверенность в истинности Пути (далеко не всегда рационально мотивированная и основанная на доказательствах). В христианстве и отчасти в исламе высоко ценится слепая вера, наивная, нерассуждающая – считается, что повреждённый человеческий ум только замутит верное чутьё, сойдёт с курса. Но есть и понятие «проверенной» веры, прошедшей через горнила сомнений. В буддизме и иудаизме вера («пробуждение веры») – начальный толчок, за которым обязательно следует рациональное рассуждение, изучение и сосредоточенное размышление, необходимые для обретения мудрости.

Но в конечном счёте «мистика» всегда ведёт по пути эк-

зистенциальное чувство, какую бы форму оно не принимало.

Об образе жизни

Любопытный феномен: чем древнее традиция, тем большее внимание уделяется правилам поведения, тем тщательнее предварительная подготовка к путешествию.

Йога-сутра Патанджали в этом отношении – шедевр взвешенности и последовательности. На первой стадии достигается совершенная нравственность и свобода от желаний – никакие волнения и вожделения не должны сбить йогина с намеченного пути. На второй – с помощью хатха-йоги обретается идеальное здоровье и долголетие – не должны мешать и «естественные потребности» и слабость тела (голод, холод, жара, усталость), да и запас времени должен быть велик. С помощью пранаямы устанавливается контроль над дыханием, обеспечивающий ясность ума, с помощью пратьяхары – полный контроль над органами чувств, которые можно включать и отключать произвольно, чтобы ничто не отвлекало от практики. И только после этого начинается собственно медитация.

Восьмеричный путь более гибок (стадии не следуют жёстко одна за другой), но тоже довольно подробно оговаривает образ жизни, необходимый для практики.

Рекорды по числу предписаний бьёт иудаизм.

Но чем дальше, тем сильнее потребность в «быстрых пу-

тях». Такое впечатление, что у людей совсем не осталось времени. Соответственно, возрастает число разного рода внезапных обращений и просветлений, а также всякого рода «шоковых терапий». Отчасти это, видимо, связано с социальной и ц-мемовой эволюцией общества. Подробнейшие инструкции по нормам поведения были обращены к «варвару» («фиолетовый» или «красный» ц-мем), которого с помощью «дрессировки» нужно было «вытянуть» на тот ценностный уровень, на котором вообще возможно сознательное самоограничение и этическое сознание.

Но определённый образ жизни решает и другие задачи.

Прежде всего, он должен остановить то, что называют «притоком кармы». Цель мистической практики – разотождествление с набором стереотипных реакций (со временем приобретающих характер невроза), обычно неререфлексируемых или воспринимаемых в качестве «я». Именно они и формируют кармические механизмы. Направленный контроль собственного поведения позволяет постепенно избавляться от них, одновременно высвобождая значительное количество энергии. Если, на первый взгляд, самоконтроль уменьшает свободу (самовыражения, например), то в конечном итоге он её увеличивает, избавляя от шаблонов, которые мы по ошибке принимали за собственную волю.

Вторая задача – более отдалённая, и связана она с заметным продвижением по мистическому пути. Дело в том, что интеграция с природным человеком, а в последующем –

своеобразный «нигилизм» в связи с релятивизацией традиционных социальных тормозов, правил и ценностей, могут сделать путника личностью, потенциально опасной и для себя, и для окружающих. И только выработанные этические стандарты и привычка к дисциплине порой могут удержать его от срыва.

Об этосах

Можно говорить о нескольких этосах мистиков. Естественно, вариантов значительно больше, чем здесь перечислено.

«Аскет»

Старейший из этосов. Более ранние, такие как «шаман», можно отнести к «окультистам».

Аскеза – радикальное решение проблемы контроля над желаниями и физическими потребностями («притоком кармы»). Кроме того, это весьма эффективный и быстрый способ для «сдвижения точки сборки» (почти такой же эффективный, как галлюциногены, но более «долгоиграющий»). Однако глубокие и сильные страсти аскезой не преодолеваются. Напротив, в сочетании с выработанной железной волей они могут превратить аскета в довольно опасного эгоманьяка или фанатика – многочисленными примерами подобного перевоплощения пестрит древнеиндийская литература. Есть и тип аскета-«окультиста», преследующего вполне мирские

цели. Начинаящий же аскет подвержен срывам – периодически вырывающийся на волю «природный человек» может натворить такого, что обычному «социальному» человеку и в голову не придёт.

«Монах»

Монах – значительно смягчённый вариант аскета. Главное в пути монаха – дисциплина и самоконтроль. Для него характерно строгое следование ритуальному поведению. Надо сказать, что этот способ тоже довольно эффективно, но мягко и плавно смещает точку сборки (обычно не очень далеко, но достаточно, чтобы она обрела подвижность). Другое дело, что став самоценным, он может её и жёстко «забетонировать». Для монахов характерны коллективные усилия, что имеет свои плюсы и минусы.

Есть и типы монаха-экстатика, монаха-бхакта, учёного, для которых дисциплина отодвигается на второй план или становится естественной и спонтанной в силу высокой мотивированности и устремлённости на пути.

«Воин»

Воин – человек социально активный. Дисциплина и эффективность для него – вопрос выживания. В этом он ближе к «окультисту». «Мистиком» воин становится, когда высшую ценность для него начинают представлять именно путь и абстрактная цель. Опасность пути воина заключена в самой сути войны – война затягивает и диктует свои правила. Иногда выходом из неё может быть только акт самопожерт-

вования.

«Ринд»

Это персидское слово нелегко перевести, можно, например, как «бражник». Ринд может появиться только в цивилизованном обществе с развитой моралью и нормами социального и ритуального поведения. Для ринда характерно демонстративное пренебрежение ими. В вегетарианском обществе он ест мясо, в трезвом – пьянствует, в помешанном на субординации – плюёт на карьеру и чиновничество и т. д. Сознательно формируемая им скверная репутация – его путь аскезы и разрушение жёстких социальных скреп в обществах, где духовный путь значительно формализован и социализирован. Особенность ринда – его глубокое внутренне равнодушие к социальным знакам и табу на пути к бесконечной цели. Но малейшая фальшь – и путь ринда может стать просто игрой и утешением эгоцентрического сознания.

Укрощение чёрного быка

Тело

Несмотря на сходство аскетических практик в различных традициях, они могут основываться на совершенно разных посылах. Древнеиндийский тапас есть не что иное как накопление энергетического потенциала. *Йогический* – идеальное физическое состояние, контроль над телом, чтобы его нужды и проблемы не доставляли медитирующему ни малейшего беспокойства (в боевых искусствах та же цель ставится для решения ещё более прагматических задач). *Джайнский* – часть общей практики по «сжиганию кармы». *Тантрический* и *даосский* основаны на учении об энергопсихофизическом единстве человека. На противоположном полюсе – учение о противостоянии души и тела. Здесь освобождение духа есть его освобождение от оков телесности, и аскеза направлена на «изнурение» тела, чтобы душа могла освободиться от его диктата. Отсюда акцент на физическом страдании и дискомфорте как состоянии максимально душеполезном. *Христианская* позиция, впрочем, не останавливается на этом, считая, что после того как власть полностью переходит от тела к духу, происходит обожение плоти. *Буддизм* (исключая тантрический) уделяет проблеме телесности

не так много внимания. В этой доктрине тело есть результат кармического процесса, и состояние сознания в этой жизни уже формирует будущую телесность. Сама по себе телесность кармически нейтральна, и интерес представляет в основном связь между эмоциями и их физическими коррелятами: с одной стороны, происходит разделение собственно физической боли, голода и т. п. и страдания, переживания по поводу голода, природа которых эмоциональна; с другой – любая эмоция – страх, гнев, обида и т. д. – имеет непосредственное выражение в идее физического ощущения, через контроль которого возможен контроль и над собственно эмоциональной сферой. Значение придаётся и гармонизации телесного – пищи, сна, дыхания, – но она возможна только после того, как устранён базовый эмоциональный шум и аффектированность сознания.

Но так или иначе во всех случаях телесность ставится под контроль воли, пока не приспособится к новому режиму функционирования.

Эмоции

Область эмоций, желаний, страстей, привязанностей – настоящее минное поле для мистика. Проход через него это и есть «воздушные мытарства» или врата и заставы подземного мира. Без успокоения этой сферы нечего и думать о дальнейшем продвижении. Часто «отказ от желаний» пря-

мо декларируется как необходимое условие, а борьба с «помыслами» становится основой духовной практики. Но здесь присутствует небольшая подмена (или сознательный приём). Дело в том, что далеко ушедший путник действительно по большому счёту свободен от желаний и страстей. Попытка подавлять силой воли желания и страсти, взяв этого путника за образец, подобна практике создания хорошего настроения с помощью прямой осанки и искусственной улыбки. В принципе, говорят, помогает. Но суть всё же не в том, от чего следует отказаться, а в том, чем это следует заместить. Мистический путь – это путь не «от», а «к». Чем яснее видна цель, тем мельче и неинтересней кажутся обычные страстишки... Но пока странника могут просто захлестывать аффекты – «бесовские» атаки и искушения. Борьба с ними тоже превращается в азартный спорт, который может очень надолго задержать путника на этом рубеже, особенно если аффекты начинают персонифицироваться или проецироваться на окружающих. Но тем не менее есть этап, на котором и чисто волевой контроль над эмоциональной сферой необходим.

Дальше свой рецепт предлагает каждая из четырёх йог: карма-йога – практика альтруистического поведения; бхакти-йога – все страсти и желания сгорают в одной великой любовной страсти; тантра-йога – за каждой из страстей обнаруживается единый источник, единая энергия; джнана-йога устраняет главный из всех аффектов, служащий опорой всех

остальных – невежество (авидью).

УМ

Укрощение ума – важнейший момент на всех путях. Сознание мистика – сознание дисциплинированное, направлено ли оно, как у бхакта, на поминание Господа или на визуализацию, полную осознанность или сосредоточенность на произвольно выбранном объекте. Цель в конечном итоге та же, что и у кастанедовской «остановки внутреннего диалога».

Основным средством здесь служит медитация. Буддийские источники дают самую разработанную шкалу медитативных состояний:

Спорадическое сосредоточение. Сознание постоянно отвлекается, но воля возвращает его к предмету фиксации.

Длительная фиксация. Контроль входит в привычку.

Твёрдая фиксация. Потеряв свой объект, сознание само к нему возвращается. Распознаются грубые и тонкие отвлечения

Тесная фиксация. Объект больше не теряется

Саматха. Абсолютно ясное, спокойное осознанное состояние, свободное от всякого волевого усилия. Здесь уже нет необходимости удерживать сознание на одном объекте.

Полное умиротворение и расслабленность. Буйвол укрощён. «В сердце покой, делаешь дело, как будто ничего не де-

лаешь. Даже при внешнем воздействии в сердце нет волнения» (из даосского трактата). «Желания как реки вливаются в неподвижный океан, свободный от печалей и себялюбия» (из Бхагават-гиты).

В результате этих практик прекращаются обычные чрезвычайно энергоёмкие психические процессы – думания, переживания, поддержания «чувства собственной важности», оценки, ранжирования и т. д. Энергия «природного человека» вместо того, чтобы тратиться вовне, сосредотачивается внутри. Только это и даёт необходимый потенциал для дальнейшего продвижения.

С точки зрения мифической космографии происходит «достижение сферы Луны», где боги и демоны стихийного мира уже не властны над путником.

Что означает эта стадия? Стал ли человек святым, освободился ли от страстей, произошла ли трансформация? Нет. Но внутри у него появилась область покоя и отрешенности, к которой он может перейти из любой позиции. Что бы он ни делал, он уже не будет действовать под влиянием случайных импульсов и мелочных мотиваций. Это состояние – состояние ясности, в котором становится возможным действие в соответствии со сверхцелью, которая может значительно варьироваться.

Подобную же цель ставила перед собой древняя философия, находя её решение в «человеке этическом», обладающим стабильным внутренним центром – разумной душой

и способностью принимать решения, исходя только из неё. Подобная же ясность и отрешённость необходимы равно и на «асурическом» (демоническом) пути силы и власти.

Возвращение верхом на быке

Цветы вдоль дороги

Именно на этой стадии становятся эффективны практики, с которых в наши времена многие собираются начинать.

Джняна, бхакти и тантра идут параллельными путями.

На буддийском пути здесь становятся возможными три завершающие стадии концентрации:

Полное умиротворение – достаточно сесть, чтобы войти в саматху.

Полная сосредоточенность – искусность в випассане – исследуемый объект удерживается в фокусе сколь угодно долго, проникновение в сущность.

Самадхи – полная умиротворённость, невесомость, прозрачность, абсолютная непринуждённая сосредоточенность, лёгкость духа.

Состояние приходит спонтанно и самопроизвольно и не утрачивается полностью и после выхода из медитации.

Далее обычно происходит переживание шуньи (восприятие мира как смены мимолётных сновидений) и состояния не-я.

В энергетических («тантрических») практиках начинается реальная работа: сновидение, работа с тенью, открытие

каналов, обмен энергией с миром – деревьями и травами, с Землёй, со звёздами и светилами... Открытие каналов – процесс довольно болезненный, но затем вызывает яркие экстатические переживания. Восстановление свободного обмена энергией с миром приводит к осознанию его единства и собственного единства со всем сущим. Достигается и эффект саматхи и затем самадхи. В этом случае более распространено не «спокойное самадхи», а «экстатическое», связанное с переживанием блаженства.

Происходит постепенное «открытие духовного зрения» – неожиданное знание предстоящих и прошедших событий, видение других миров и «сияния», «прозорливость», в случае энергетических практик – определённые «сверхъестественные способности» вроде тех, которые демонстрируют мастера боевых искусств. В практике тольтеков – феномен «видения».

Ослепительный «духовный свет, озаряющий 10 000 миров» или «ослепительный свет изначальной пустоты» означает достижение уже следующей стадии. На пути бхакта это будет «великий свет Любви», Богоявление. Ему предшествуют «экстатическое самадхи» – состояния «восхищения», «опьянения». В православной традиции – фаворский свет.

Поток

Ощущение потока – неслучайности событий – воли Господней всё ярче проявляется в сознании и опыте мистика. Патологический вариант этого ощущения, как и видения, хорошо известен и неоднократно клинически описан: голова, отдающие приказы, ощущение непрерывного контроля со стороны, параноидальная оценка событий, неизменно выстраивающихся в соответствии с единственной схемой – теорий заговора, ощущение избранности (особого покровительства Господа, например). Поэтому столь неизменно популярны психиатрические теории мистического опыта.

Вот что говорит по этому поводу Дон Хуан у Кастанеды:

– А что происходит с людьми, у которых точка сборки потеряла свою жесткость? – спросил я.

– Если они не воины, они думают, что начали терять рассудок, – сказал он, улыбаясь. – Так же, как ты в свое время подумал, что начал сходить с ума. Если же они воины, они знают, что становятся безумными, но они терпеливо ждут. Ты знаешь, что быть здоровым и здравым означает, что точка сборки неподвижна. Когда она срывается, это значит буквально, что ты чокнулся.

Он сказал, что для воинов, у которых сдвинулась точка сборки, открыты две возможности. Одна состоит в том, чтобы признать себя больным

и вести себя, как сумасшедший, реагируя эмоционально на те странные миры, свидетелем которых ты становишься из-за этого сдвига. Другая – оставаться бесстрастным, незадетым, зная, что точка сборки всегда возвращается в свое исходное положение.

– Ну а что, если точка сборки не вернется в свое исходное положение? – спросил я.

– Тогда эти люди потеряны, – ответил он. – Они либо неизлечимо безумны, поскольку их точка сборки не может собрать тот мир, который мы знаем, либо становятся несравненными видящими, начинающими свое движение в неведомое.

Будет намного лучше, если с этим феноменом встретится мистик, уже достигший ясности и отрешённости. Но часто подобное происходит намного раньше. Иной раз вся жизнь мистика проходит под знаком рока.

В древнеегипетской «Книге мёртвых» упоминаются два пути, ведущих через тьму Дуата: первый – сухопутный – через плотины, со стоящими на них заставами; второй – водный – через огненные реки. Первый путь – путь знания, роста осознанности и самоконтроля. Второй путь способен пройти лишь тот, кто полностью отдался на волю течения. Для того, кто не достиг ясности, этот путь может стать ужасающим, требующим абсолютной веры, поскольку течение обтёсывает его эго, обычно волоча по камням. Этот путь абсолютно иррационален, поскольку человек чаще всего не осознаёт смысла своих действий, как Муса в кораниче-

ской притче не осознаёт смысла видимо-безумных действий Хызра. Цель такого мистика – стать совершенным орудием в руках Провидения, максимально отрешившись от собственной воли, даже если путь ведёт его через преступления и разрушение собственного мира и мира вокруг себя. Часто он заканчивается жертвенной смертью. Символом этого пути может считаться Авраам или Жанна д'Арк.

Эти два пути сохраняют своё различие и за порогом «лунной сферы».

Они могут быть и не столь драматичны. Так, в буддизме два пути описываются как «опора на собственные силы» и «опора на силу другого». Во втором случае ищущий полностью передаёт инициативу и право действия высшей силе, его задача – максимально самоустраниться, отрешиться от собственной воли, собственного эго. Чаще всего это путь бхакта (неважно, христианского, исламского или индуистского). Но и здесь есть различие между пассивным «бхакти котёнка» и «бхакти обезьянки», цепляющейся за шерсть матери. Означает ли это, что путь «опоры на собственные силы» с этим потоком не знаком? Ни в коей мере. Но здесь поток чаще безличен и воспринимается как сила, энергия, «воля», дао – космический ветер, несущий всё сущее. Ему бесполезно противостоять, но можно создать «собственный ветер», выбрать те потоки, которые надувают твои паруса, тем более что цель – главная цель странствий по пути. Чем точнее (что означает «минимально личностно-аффектиро-

ванно») твоё действие, тем выше вероятность того, что мир отзовётся и дорога приведёт к цели.

О действии

Надо заметить, что параллельно йогической практике и созерцанию мистик на этой стадии обычно активно действует и «в миру». Эта «двухосновность» практики характерна для большинства традиций. Именно социальный опыт является настоящим «пробным камнем» подлинности опыта духовного и завершает/дополняет его.

Дон Хуан у Кастанеды говорит:

Если видящий способен добиться своего, имея дело с мелким тираном, то он определённо сможет без вреда для себя встретиться с неизвестным и даже выстоять в столкновении с непознаваемым.

– Обычный человек, – продолжал дон Хуан, – расположил бы эти три утверждения в обратном порядке. Тогда получится, что видящий, способный остаться самим собой в столкновении с неизвестным, гарантированно может справляться с мелкими тиранами. Но в действительности это не так. Именно из-за такой ошибки погибли многие великолепные видящие древности.

Две составляющие пути тольтеков – сновидение и сталкинг – как раз соответствуют созерцательному и социальному аспектам мистического пути. Причём сновидение – это

способ сдвигать точку сборки, а сталкинг – закреплять её в новых позициях.

На буддийском (махаянском) пути две необходимые составляющие – мудрость и сострадание. Мудрость – созерцательный аспект, сострадание – социальный. Мудрость без сострадания бессильна, сострадание без мудрости слепо.

На описываемой стадии происходит «открытие корней благостыни» – способность к неэгоцентрированной деятельности на благо живых существ. Она, в частности, служит необходимым противовесом часто сокрушительному опыту осознания пустоты и релятивизации ценностей.

В христианской мистике деятельность нужна, чтобы нести людям свет, почерпнутый в созерцании. Бог приходит и уходит, чтобы дать человеку возможность действовать, выполняя его волю. Человеком движет любовь (включая принятие страдания за Бога), смирение (склонение перед тварью), сострадание (страдание страданиями твари) и нахождение в страдании и смирении высшего покоя и удовлетворённости.

В индуизме (брахманизме) была разработана целая система, получившая названия карма-йоги – незаинтересованного действия. Это действие в соответствии с долгом (дхармой), проводимое со всей возможной эффективностью и безупречностью, но с внутренней отрешенностью от результатов (отказ от плодов). Действие совершается как жертвоприношение Абсолюту. В идеале актер вообще не действу-

ет от себя, воспринимая совершаемое как часть Потока («гуны вращаются в гунах»).

Исчезновение быка

Обретение или утрата?

В одной из своих работ Кен Уилбер ввёл довольно забавный термин «нео-вечная философия». «Вечная философия» отчасти совпадает с тем, что Рене Генон назвал Традицией, говорящей разными словами о Пути и иерархии восходящих к Единому. Соответственно, «нео-вечная» – духовная традиция последних двух с половиной столетий.

Если мы попытаемся сами сформулировать основное различие, то ключевое слово первой – инволюция, второй – эволюция.

Противопоставляя нео-вечную философию «философии плоскости», Уилбер считает её философией постмодерна, хотя для этого ему приходится записать в постмодернисты Гегеля и Канта (странно, что не Лейбница). На долю модерна остаётся только картезианство и просветительство. Думается, Уилбер здесь не прав (или сознательно лукавит, выводя любимую идею из-под постмодернистской критики). Эволюция, прогресс, экспансия лежат в основе мировосприятия модерна. И отличие нео-вечной философии от вечной именно в её языке – языке модерна, противопоставленном языку традиции.

Эволюция – постепенный процесс качественных изменений, приобретения нового. Каждый её шаг увеличивает сложность и связность, знаменует переход к ранее не бывшему. Также рассматривается и восхождение к духовным мирам. Это обретение астрального, ментального, каузального тел, интеграция вокруг монады, истинного Я, это духовный прогресс человечества для его перехода на высший, не-бывший уровень.

Язык традиции – это язык возвращения. В патристике образ и подобие Божье утрачены человеком в силу грехопадения, и цель духовного пути – их восстановление. Импульс новации (Новый завет, новые небеса) теряются во всепоглощающей силе традиции, пока его вновь не «добывает» там модерн.

Инволюция – развёртывание мироздания от источника путём непрерывного снижения уровня совершенства. Каждый её шаг ведет к сложности/дробности от абсолютной простоты непостижимого совершенства. Таким образом, мистическое восхождение – это возвращение к истоку, путь утраты/избавления от пут множественности. Ищущий теряет слои/обёртки, скрывающие Божественное, оставляет одно за другим качества, отделяющие его от Единого. Так йогин последовательно отключает/преодолеывает вопли тела, сенсорные восприятия, активность мысли. В даосизме «мудрый человек не имеет ничего своего. Божественный человек (сянь) не имеет заслуг. Духовный человек не имеет име-

ни». Также и матрица дхьян (принадлежащая, кстати, не Шакья-Муни, а его учителю Арада Каламу) описывает последовательную утрату ментальной активности, я-сознания, радости, блаженства. Язык существенно затрудняет восприятие современным человеком голоса Традиции.

Бог и пустота

Но языки обретения и утраты слышатся и внутри Традиции, равно как и стремления к диалектическому снятию. И это не просто языки, но и стоящий за ними опыт.

Ослепительный свет духовной реальности (и часто сатори – первое переживание тотального единства) знаменуют собой то, что путник добрался до «софта» мироздания. Но то, что он увидит здесь, во многом зависит от тех ключей, которыми он пользовался. Так, чистый бхакт с высокой вероятностью встретит здесь Личного Бога, Бога, имеющего облик и любящего его. И это не галлюцинаторный бред, всё так оно и есть, это сама Реальность открывается ему как «Ты». И он с полным правом будет говорить о завесе ослепительного света, за которым скрывается Личность.

Для буддиста и даоса единство мира откроется как Пустота, «и в ней ничего святого». Ослепительный свет – это истинная сущность всех вещей, неотделимая от пустоты.

Тантрик встретит Силу – космическую энергию (безличную или персонифицированную), движущую мироздание.

Великую космическую игру.

Всё это можно описать и другим языком. Кастанеда, к примеру, видит энерго-информационную суть мироздания – эманации Орла и человеческую матрицу. Безличность или архетипичность феноменов Иного, по Кастанеде, зависит лишь от того, по центру или по краю «человеческой полосы» осуществляется сдвиг точки сборки...

– Человеческая матрица – это гигантский блок эманаций <...>, – сказал он. – Его называют человеческой матрицей, потому что он является структурой, встречающейся только внутри человеческого кокона.

– Человеческая матрица – та часть эманаций Орла, которую видящий может видеть непосредственно, не подвергаясь при этом никакой опасности <...> только у новых видящих хватило уравновешенности на то, чтобы, увидев человеческую матрицу, трезво понять, что это такое. Они смогли осознать: человеческая матрица не есть творец, но просто структура, составленная всеми мыслимыми и немыслимыми атрибутами и характеристиками человека – всеми, какие только могут в принципе существовать. Матрица – наш Бог, поскольку все, что мы собой представляем, ею отштамповано. <...>

Этот удар отправил меня парить в радужном свете, в лучезарном источнике мира и дивной благодати. Этот свет был небом, оазисом в окружавшей меня черноте.

Субъективно я ощущал, что время остановилось. Я видел этот свет неизмеримо долго. Описать словами все великолепие того, что я созерцал, не было никакой возможности, но понять, что именно делает это столь прекрасным, я тоже не мог. Затем я подумал, что ощущение красоты порождается чувством гармонии, мира, покоя и столь долгожданной безопасности. Дышать было так легко, я вдыхал и выдыхал, пребывая в состоянии абсолютного покоя. Какое дивное изобилие! Без тени сомнения я знал – это есть Бог, источник всего сущего, и я встретился с Ним лицом к лицу. И я знал – Он любит меня. Бог суть любовь и всепрощение – это я тоже знал. Свет омывал меня, я был очищен и спасен. Я не был властен над собой, я рыдал. В основном о себе. Этот свет и – я. Боже, как недостойн и мерзок я! <...>

Со всей страстностью, на какую я только был способен, всматривался в этот свет. Он как бы сконденсировался, обретая форму, и я увидел очертания человека. Сияющего человека, от которого исходило благословение, любовь, понимание, искренность и истина. Человека, воплощавшего в себе всю сумму добра.

Страсть, которая охватила меня, когда я увидел этого человека, превосходила все, когда-либо мною испытанное. Я рухнул на колени.

Дон Хуан говорит о бесполезности матрицы. В мире толков от неё нет прока. Но суть-то ведь в том, что матрица –

это действительно Бог, весь тот спектр эманаций, который имеет отношение к человеку и может быть персонифицирован.

Страна чудес

Страна, в которую попадает путник, – земля исполнения желаний.

Если путник искал Личного Бога, он встретит его. От неутолённой любви Медждуна, ищущего Лейлу, он перейдёт к любви обретшего. Бог станет его другом, возлюбленным, супругом или даже ребёнком.

Устремлённый к экстазу откроет наслаждения, перед которыми померкнут все земные блаженства.

Если он искал знания, перед ним откроются невероятные перспективы: его новый ум стремителен и точен, луч внимания, направленный на любую проблему, высвечивает её со всех сторон и до самых глубин, для получения ответа даже не нужно размышлять. Именно здесь возможно реальное постижение глубин любого учения и писания.

Ищущий силы находит её. «Магические искусства» и практики были созданы для обитателей этого мира, и только здесь они по-настоящему действенны. Только здесь возможно настоящее владение энергией, исцеление недугов, неуязвимость для сил зла. Здесь открываются дороги странствий в бесчисленные лучезарные миры.

Тело претерпевает трансформацию. На самом деле это иное тело. Тот, кто способен видеть, увидит исходящий от подвижника свет – сияние его нового тела. Слепой не увидит ничего, скорее всего, даже чудес. Потому что путник, оставаясь физически на земле, фактически уже живёт в другом, астральном, мире, управляемом иными законами. А здесь он мёртв. Дело в том, что билетом в страну чудес служит смерть при жизни.

Путь, лежащий туда, это путь утрат и одиночества, «расчеловечивания» человека. Его символический образ – замок за семью стенами или вознесение через небесные сферы, где у каждых врат путник оставляет в качестве платы что-то, что носил с собой, – земные привязанности и «силы души», ум и волю, – пока не останется ничего кроме сущности – тихой каморки со спящим в ней «внутренним человеком». Дошедшего до конца нет – он умер, то есть умер природный человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.